

Jeśli spojrzymy na *Spis treści* książki Very Mitrinović, to łatwo spostrzeżemy, że opublikowane w niej prace napisane są w języku polskim, serbskim, chorwackim, słoweńskim, rosyjskim, angielskim i francuskim, a poruszana w niej problematyka dotyczy (w różnym stopniu) prawie wszystkich języków słowiańskich. Równie różnorodna jest poruszana problematyka językoznawcza: od fonetyki i fonologii oraz morfonologii, poprzez słowotwórstwo, leksykologię i fleksję, do składni, stylistyki i tekstologii, a nawet do problemów metodyki nauczania języków słowiańskich. Rozpiętość czasowa badanego materiału językowego sięga od języka prasłowiańskiego aż do czasów nam współczesnych. Zainteresować może każdego slawistę, zarówno profesora, jak i studenta; napisana zrozumiałym językiem naukowym, skłania też do dyskusji z Autorką.

Włodzimierz Pianka

Идеографски диалектен речник на българския език, гл. ред. В. Радева, т. 1: А–Д. София: Български бестселър – Национален музей на българската книга и полиграфия, 2012, 1055 с.

Идеографическая диалектная картотека Кафедры болгарского языка Филологического факультета Софийского университета давно уже пользуется вниманием и признанием ученых-славистов; многие из них имели возможность, приезжая в Софию, работать в ней. И вот теперь эта огромная коллекция лексики, отражающая все словарное богатство болгарских диалектов, становится доступной самому широкому кругу исследователей – диалектологов, лексикологов, этимологов. Замысел словаря принадлежит крупнейшему болгарскому ученому проф. Стойко Стойкову, под руководством которого готовился и издавался диалектный атлас болгарского языка. Памяти Ст. Стойкова и посвящен рецензируемый труд. История собирания материалов для словаря насчитывает уже более 60 лет. В 1969 году Ст. Стойков и М. Младенов опубликовали проспект *Идеографического словаря болгарского языка*¹, к этому времени картотека насчитывала уже более 350 тысяч карточек; с тех пор она возросла многократно. Речь шла о словаре, отличном от обычных диалектных толковых словарей, в которых диалектные слова объясняются с помощью слов литературного языка, и, можно сказать, о словаре, «обратном» обычному: «входом» в словарь должны служить слова литературного

¹ «Български език», 1969, кн. 2, с. 155–170.

языка, которым ставятся в соответствие все диалектные слова с тем же значением. Иначе говоря, такой словарь сочетает в себе признаки переводного словаря (литературно-диалектного) и словаря диалектных синонимов литературной лексики. Авторы проспекта отметили как достоинства, так и недостатки словаря подобного типа. К его безусловным достоинствам относится экономный способ представления огромного лексического материала за счет отказа от традиционных развернутых дефиниций каждого слова (их условно заменяют собой заглавные слова литературного языка) и от иллюстраций употребления слов, простота структуры словаря (алфавитный порядок следования слов), независимость от абстрактной логико-философской классификации денотатов, обозримость номинационных возможностей народного языка; наглядность звукового и словообразовательного варьирования лексики, прозрачность мотивационных моделей номинации при сохранении подробной географической атрибуции каждого диалектного слова. Недостатки словаря такого жанра, как это часто бывает, являются оборотной стороной его достоинств: к ним относится прежде всего неполнота и одномерность семантической характеристики литературных и диалектных слов (особенно многозначных), отсутствие дефиниций и хотя бы минимальных контекстов употребления слова, сведений о сочетаемости, идиоматике и др., что конечно неминуемо обедняет образ и глубину диалектного слова, его соотношение с другими единицами болгарского лексикона и лексикой родственных языков.

Сразу же надо сказать, что такое понимание идеографического словаря — одно из возможных; более распространенными являются идеографические словари тезаурусного типа, в которых лексика организована не по алфавитному, а по понятийному принципу. В основе таких словарей лежит априорная логическая классификация денотативной сферы лексики. Таков, например, один из первых славянских идеографических словарей — чешский предметно-синонимический словарь, составленный Иржи Галлером² по образцу имевшихся к тому времени европейских словарей-тезаурусов. Первый том чешского словаря включает лексику, относящуюся к космосу и живой и неживой природе, второй — посвящен телесному человеку, третий — «социальному» человеку, четвертый — абстрактным понятиям (размер, форма, пространство, время, причина и т.д.); внутри томов и разделов материал организован, как правило, также по смысловому (понятийному) принципу. Другой возможный тип идеографического словаря — так называемый аналогический словарь, совмещающий в себе принцип алфавитного и тезаурусного словаря:

² J. Haller и др., *Český slovník věcný a synonymický*, t. 1–3; [t. 4] *Rejstřík k svazkům I–III*, zpracovali V. Šmilauer a L. Hradský, Praha 1969–1986.

I kú,

к интеллектуальному и

слова расположены по алфавиту, но каждое слово сопровождается отсылкой к соответствующей рубрике (ключевому слову) понятийной классификации, т.е. лексическому полю, в которые входит слово³. В сфере диалектологии идеографическая лексикография пока еще делает первые шаги. В Перми недавно создан этнодиалектный идеографический словарь русских говоров Среднего Урала, построенный по тезаурусному принципу и сочетающий в себе свойства диалектного и этнолингвистического словаря⁴. Серия тематических словарей диалектной лексики издается в Болгарии⁵.

Источниками болгарского идеографического словаря послужили опубликованные словарные материалы⁶, этнографические описания, а также дипломные работы по болгарскому языку и этнографии, записи многолетних диалектологических экспедиций, архивные материалы (библиография источников, составленная Т. Бояджиевым, включает более ста позиций). Географически представленная в словаре лексика охватывает, вслед за старыми источниками, не только собственно болгарскую территорию, но и территорию македонского языка – области Битола, Гевгелия, Куманово, Радовиш, Тетово и т.д. (по определению редактора, стремившегося, вероятно, соблюсти «политкорректность», «българска езикова територия в диахронен аспект»); правда, последовательно даваемые при лексемах пометы (иногда с точностью до села) позволяют эти диалектные идиомы однозначно идентифицировать.

Первый том словаря охватывает только небольшую часть лексики (буквы А–Д), однако читатель получает вполне адекватное представление о содержательном богатстве всего лексикона, причем не только в собственно лексическом, но и в этнокультурном отношении. Так, в первый том попали три из

³ В. В. Морковкин, *Идеографические словари*, Москва 1970; Ю. Н. Караулов, *Общая и русская идеография*, Москва 1976; *Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека)*, отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова, Москва 2011.

⁴ См. В. В. Липина, *Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала)*, Дисс. канд. филол. наук, Екатеринбург 2000; ее же, *Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. 4: Быт. Часть 1: Быт: заботы по хозяйству. Обработка волокна и рукоделие. Приспособления для обработки волокна и рукоделия. Волокно, пряжа, ткань*. Екатеринбург 2004.

⁵ См. П. Легурска, М. Китанова, *Тематичен речник на термините на народния календар*, София 2008; П. Легурска, Н. Павлова, М. Китанова, *Човешкият живот: раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на българската семейна обредност*, София 2012.

⁶ Прежде всего из серий *Българска диалектология. Проучвания и материали*, кн. 1–10, София 1962–1981; *Трудове по българска диалектология*, кн. 1–12, София 1965–1984, и др.

✓ В чешской диалектной лексикографии практикуется сочетание идеографического и алфавитного (дифференциального) принципа. См. J. Bachmannová. *Podkrkonošský slovník*. Praha 1998; Z. Sochová. *Lašská slovní zásoba*. Praha 2001; J. Vojtová. *Slovník středomoravského nářečí horského typu*. Brno 2008.

двенадцати названий месяцев (августа, апреля, декабря), которые демонстрируют разнообразные способы номинации, используемые в этих хрононимах: а) с помощью заимствованного слова и его фонетико-словообразовательных и акцентных модификаций (*Август, Аугуст, Августос, Авастос, Агастос, Хавастос, Автос, Аутос, Агуст, Агуст, Ягуст, Йегуст, Егуста, Ауст, Яуст; Апрель, Април, Априль, Априль, Априль, Апрул; Декември, Дъкември, Декемри, Декември, Дикенри, Декембрий, Децембар*); б) по характерным природным явлениям (*Брезен, Кожодер, Кожодерца, Дерияре, Продай кожи, Лъжитрев, Лажитрав, Лажитрав, Дажитрав, Лъжко, Лъжка, Ложко, Ложко, Тревен, Тревния, Цветен* – для апреля; *Зима, Студен* – для декабря); в) по названию главных праздников, приходящихся на этот месяц (*Богородички, Преображение, Богородичен месец, Голяма Богородица* для августа; *Благовещкия, Гергевския, Гергьовския, Гергьоския, Гергиювия, Гергьовке, Йорутския, Повилигдан, Йорутския месец* для апреля; *Божичев, Божичевио месец, Ендричко, Коладски, Коледния месец, Коладно време, Никуль, Никуль, Никулица, Никулица, Никулица, Николскът, Никулския, Никульске, Никулскят, Никулскет, Никуцкия, Никуцке, Никулденски, Светиниколския, Свети Никола, Никулски месец* – для декабря); г) по характерным видам земледельческих работ и орудиям труда (*Сенокос, Сърпен, Жетварцкио месец* для августа); д) номинации оценочного характера (*Болестивия, Черния месец* для августа); е) другие, в том числе не вполне прозрачные в мотивационном и этимологическом отношении (ср. *Канския месец, Варман* для августа). Подобные данные, представленные в их полноте, проливают свет на традиционное восприятие календарного времени в славянской народной культуре.

Почти одновременно с рецензируемым словарем в Софии был опубликован замечательный словарь болгарских диалектных терминов родства, представивший один из важнейших с культурной и исторической точки зрения разрядов традиционной лексики⁷. Этот словарь сочетает в себе характерные признаки толкового, диалектного, этимологического и этнографического словаря, он построен не по идеографическому, а по алфавитному принципу, поэтому идеографический словарь оказывается по отношению к нему дополняющим источником, «собирающим» воедино все диалектные названия каждого персонажа системы родства, рассеянные по словарю, например, именованная старшей сестры, отца, мачехи и т.д.

Интересно сравнить соответствующие статьи двух словарей. Так, для названий ребенка до крещения словарь родства приводит (каждое на своем алфавитном месте) следующие термины: *голка, голче, голчо, гушле, гушльо,*

⁷ Х. Холиолчев, М. Младенов, Л. Радева, *Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник*, София 2012.

Го́йе

А,

—

Лъжитравко,

А

джоле, дуда, еврейче, желязко, кежо, кенда, кошуляк, кушле, кържо, лехудле, малечко, малинка, мушо, некръст, некръстче, пижо, пужа, пужо, пурде, пуше, пушла, пушльо, пъшла, пъшльо, сурко, цуранка, цуранчо, цуре, цурко, цурче, цурьо, чипа, чора, чупка, шуле, шулко, шульо, шульо, шушулко. Идеографический словарь помещает эту информацию в общей статье «Дете» (ребенок) в отдельной рубрике «Малко некръстено дете» (маленький ребенок до крещения), где дается в целом тот же список названий, но все же с некоторыми заметными отличиями: в нем отсутствуют, например, формы *гушле, гушльо, джоле, желязко, кендо, кошуляк, кържо, лехудле, малечко, малинка, некръст, некръстче, пужо, пушла, пъшла, сурко, цуранка, чипа, чупка* и некоторые другие диалектные термины родства, зато даются дополнительно к списку словаря родства лексемы или формы: *детенце, евренчи, йеурейчи, йерейчи, кушла, кушни, кушлю, леунчи, лофусник, монда, некръш, пепеляна, пижанче, пирок, толю, фижоре, цуце, чорка, шулче, шулчо, шульто* и др.

Для номинации последнего ребенка в семье словарь родства приводит обширный ряд терминов: *безимче, газнетар, дородок, задникар, изпадак, изродок, изтрасляк, изтресало, изтришак, изтришче, изтръсак, мизильник, мизимка, мизинец, мизла, мизльо, мизуль, мизульник, потърсак, сетнак, сетначе, ситнак, сръчо, стръсок*, тогда как идеографический словарь вообще не имеет соответствующей рубрики, хотя состав рубрик в статье «Дете» очень велик и отражает самые разнообразные признаки, характеризующие ребенка: кроме упомянутого выше ряда наименований ребенка до крещения, это просто «маленький ребенок» (*детенце, детле, детурляк, бабун, бечко, маленко, малко, пишляк* и т.д.); «дети, рожденные в один день недели» (*еднодънци*); «дети одной матери, рожденные в один и тот же месяц» (*едномесечета*); «ребенок, рожденный после смерти отца» (*посмрче, посмоче* и др.); «ребенок, рожденный в субботу» (*събутник, саботниче*); «ребенок, рожденный после смерти предыдущего ребенка» (*поморче, посмърче* и под.); «первый ребенок родителей» (*първак, пръвенче, първаче, зародок* и др.); «ребенок, похожий на отца» (*бащичко*), при этом в отдельной статье «Бащичко» дается гораздо больше названий с этим значением: *башиньо, башко, бащелко, бащенко, татушо, тетньо* и др.; «ребенок от второго брака» (*природеник, природено дете*); «ребенок, который много плачет» (*блудимо, бръняло, врескало, врескавец, врънкало, цвъркало, церло*); «умный, толковый ребенок» (*врангъл, гаджевало, паметар, паметарин, самовияк*); «ребенок, которому после отнятия от груди вторично дали грудь» (*повторче, подзето дете, позаето дете*) и мн. др. В этом богатом и подробно разработанном материале, который благодаря системе рубрик, приближает словарь к жанру словаря-тезауруса, удивляет не только отсутствие рубрики «последний ребенок», но и отсутствие упоминания близнецов хотя бы в виде отсылки к имеющейся

1,

4

самостоятельной статье «Близнак». Можно было бы сравнить и другие статьи, посвященные терминологии родства, например, «Бате» (старший брат), «Баща» (отец), «Брат», «Вдовец», «Вдовица», «Годеж», «Годеник», «Годеница», «Девер» и др. Эти сравнения, выявляющие совпадения и расхождения между корпусом лексики и способом идеографической систематизации лексем в обоих словарях, еще раз показывают, что необходимы самые разные словари, построенные по разным принципам и имеющие разные тематические рамки, и только все они в совокупности способны приблизиться к желаемой полноте представления диалектной лексики и ее культурного значения.

Отсутствие заранее сконструированной идеографической схемы иногда приводит к тому, что какие-то признаки или характеристики предмета или явления оказываются упущенными. Кроме отмеченных выше случаев («последний ребенок», «близнецы» в статье «Дете»), можно указать, например, на статью «Дъжд» (дождь), где даются рубрики «продолжительный спокойный дождь», «кратковременный сильный дождь», «проливной дождь», «дождь с сильным ветром, буря», «дождь со снегом», но при этом отсутствуют названия грибного дождя, т.е. дождя идущего при солнце⁸. В статье «Дъга» (радуга) приводится большой список диалектных терминов, который существенно дополняет имеющуюся коллекцию названий, на основе которых реконструируются народные представления об этом явлении природы, но в то же время каких-то названий, известных из других источников, в нем недостает, например, *майчин пояс*, *бабина риза*, *богов пояс*, *пойасна*, *опас*, *търъгица*, *тъгъница*, *вила-вила-гица*, *зуница-ваница*, *дъга-дъгица*, *байрек*, *фута* и др.⁹.

Еще один пример из сферы метеорологической лексики, заслуживающий быть отмеченным, – исключительно богатая по содержанию (лингвистическому и этнокультурному) статья «Вятър» (ветер), занимающая 27 страниц убористого текста. Почти не имеющая диалектных синонимов (единичные *дуван*, *дун*, *дуло*, *лихър*, *пъррик*, *фурия*), эта праславянская лексема отличается необыкновенно развитой сочетаемостью с атрибутами и эпитетами самого разного свойства, определяющими ветер по многим признакам: по температуре и влажности (*топляк*, *благия ветър*, *студен*, *студеняк*, *сухия*, *суховей*, *мокър вятър*, *мек вятър* и т.п.), по направлению (*горен*, *горняк*, *до-*

⁸ Заметим, что номинациям грибного дождя и связанным с ними народным представлениям в славянских и других языках и традициях посвящена большая литература, см., в частности: В. В. Усачева, *Дождь грибной*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* под общей ред. Н. И. Толстого, Москва 1999, т. 2, с. 11–113.

⁹ См. Н. И. Толстой, *Из географии славянских слов. 8. Радуга*, [в:] *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1974, Москва 1976, с. 22–76.

лен, сливенски, шопски, влашкия, руски, турски, черноморския, румынски, сербски, сърбин, цигански, сибирски, морник, морски, моряка, солен вятър, речник); по силе (бързец, бунтовник, бесен); по времени (пролетен вятър, мартенски вятър, есеницата, есенник, зимният вятър, вечерник, вечерняк), по погодному ефекту и последствиям (дъждар, дъждовник, дажденко, снегар, снегод, снеговник, снежен ветер, снежник, бурянин, бурник, бурен вятър, градушник, дърволом, яснец), по воздействию на человека и животных (дерибивол, дерикозел, дерияре, дерипоряз, козодер, свиньодерец, овчодер, порез, поряз, порязан вятър, заешки вятър, конски вятър, кози вятър, щъркелов вятър) и т.д. Очень интересны цветовые определения ветров (как и сторон света и направлений, о чем существует целая литература) – бялия, белич, белчо, бел ветер, червен вятър, черен вятър, черни вятрок, черняк, црън, а также оценочные и мифологические эпитеты ветра, например, благи, веселко, кривак, кривец, криволяк, дяволски вятър, кривненски вятър, поповски вятър, стар вятър, гладник, калояновеца, страшния, стария вятър, вятър бабин рог и т.п.

Не имея возможности подробно остановиться на статьях всех тематических групп или разных логических категорий (имена, предикаты, атрибуты, абстрактные категории – время, место, причина и т.д.), отметим кратко некоторые наиболее крупные группы. Из разрядов номенклатурной лексики в первом томе обильно представлены названия растений, например, акация, бадем, бук, бреза, бурен, ~~вълк~~ върба, габър, глог, грозде, диня, домат, дърво, животных (авлига, агне, бивол, бик, видра, вол, гарван, говедо и др.), частей тела человека и животных (бабьяк, бедро, буза, вежда, глезен, гърло, далак), явлений природы (безлуние, буря, вихрушка, гръм, дъжд), природных объектов (аязмо, бара, вада, долина), болезней человека и животных (ангина, антракс, въртоглавщина, дифтерит), лиц, атрибутируемых по разным признакам: термины родства, этнонимы, названия субъектов действий, функций или свойств (абаджия, ага, баба, бавач, балканджия, баячка, беглец, бедняк, безбожник, безделник, бездетка, бремна, вестител, виновник, воденичар, войник, вршач, глупак, домакин), артефактов: одежды (аба, було, ватенка, джубе, дреха), построек (балкон, баня, врата), утвари (буре, бъчва, ватала, верига, вилица, връв, възглавница, гаванка, гърне), орудий труда (брадва, брана, веялка, гвоздей), пищи (аница, брашно, вариво, вино, гозба и т.д.) и т.д. Немалое число статей посвящено предикатной лексике: это атрибуты-прилагательные (ален, алчен, бавен, бащин, беден, безсилен, безсолен, бестрашен, безумен, бистър, бърз, весел, вехт, грозен, добър и т.д.), действия-глаголы (бабувам, бавя, бавя се, безпокоя, бя, броя, бягам, валя, вземам, връя, врътя и др.), имена состояния и свойства (апетит, безочие, бесполезно, безредие, болест, възбуда, глад и др.). Разнообразно представлена темпо-

T, H

H

L вълк,

H